

Шестого героя «привел» на телевидение Анатолий Адошкин. Прежде были Кюхельбекер, Пушкин, Дельвиг, Одоевский, Жуковский. Передачи о них прошли по разным программам несколько раз и, без сомнения, запомнились миллионам зрителей.

Теперь — Баратынский!

Чем крупнее мастер, тем, конечно, труднее его представить. Автор «Эды», «Бала», «Разверения», «Последнего поэта» — наверное, самый крупный из поэтов, воплощенных на телеэкране Адошкиным.

Баратынский... Поэт, которого в школе почти «не проходили»; поэт, о котором в его эпоху писали: «Иногда очень приятный, везде показывающий верный вкус, но писавший не по вдохновению, а вследствие выводов ума», или «Стихотворения Баратынского оставили у нас такое же чувство, как выдохнувшиеся цветы»; «Поэзия Баратынского — не нашего времени». Правда, наряду с этими приговорами существует и пушкинское высказывание: «Баратынский прелесть и чудо! Он шел своею дорогою один и независим».

А потом пошли годы и десятилетия великих бурь и громов, и как расслышать среди них тот голос, что сказал о самом себе:

Я из племени духов,
Но не житель Эмпирей.
И, едва до облаков
Возлетев, паду, слабей.
Как мне быть? Я мал и плох;
Знаю: рай за их волнами.
И ношуся, крылатый вздох,
Меж землей и небесами.

Эти строки в чтении Адошкина выделяются даже на общем прекрасном уровне исполнения. Артист произносит их, медленно поворачиваясь к зрителю; глаза печальные, страшные — и жаль того, кто сочинил эти стихи, и того, кто читает (в эту секунду — они неразделимы!), и за нас почему-то грустно, за себя: телевизор — это ведь театр для одного зрителя, максимум для нескольких.

Передо мною тексты телеспециалиста Анатолия Адошкина: чтение интересное (со временем, надеюсь, все это будет

собрано в одной публикации). Несколько раз, мы знаем, артист показывал программы со сцены и имел большой успех.

И все-таки это прежде всего, более всего по самой сущности своей — телевидение. Даже в кино было бы не так хорошо: экран не тот, соседние «мешали бы». Это — телевидение, которое столь многое может, если ему не предлагают решать «чужих задач».

эффект создавать. Автор не похож на героя и всячески избегает попыток внешнего сближения (может быть, поэтому к нему и максимум зрительского доверия?). Во-вторых, почти ни слова «от себя»: только строки из Баратынского, других поэтов, из подлинных документов, найденных и художественно группированных самим Адошкиным. Даже ссылки на автора той или иной цитаты, даже они прекрас-

бопытно, что сам Баратынский, задумываясь о будущем своей поэзии, как это водится у мастеров, многое знал наперед. Но и гениально ошибался, когда утверждал (эти слова напомним А. Адошкин), что «время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрел».

Что он хотел этим сказать? Наверное, что наступающему «железному веку» внутренние движения человеческой души, «поэзии ребяческие сны» будут не столь уж важны, как «промышленные заботы», мир внешний, осязаемый.

На это мало ответить тривиальным опровержением, что жизнь показала иное: лирика, «индивидуальная поэзия» нужны людям и сегодня. Интересно, что человечество постоянно ищет и временами находит новые способы «индивидуализации». Телевидение — яркий тому пример: тут открываются новые возможности для той самой «индивидуальной поэзии», о которой тосковал поэт.

Два серьезных обращения телевидения к Баратынскому оказались очень удачными. Несколькими годами ранее Александр Межиров говорил о Баратынском, его жизни и творчестве как поэт о поэте. Сегодня Анатолий Адошкин трактует Баратынского как художника, человека человека. Общим работам — при их принципиальной разнице — вхожденным телегеничным удалось легко соединить век давнего поэта и время «далекого потомка».

Под конец программы А. Адошкина Мураново появляется снова — на этот раз закономерно: ведь мы уже убеждены в современности всего происходящего. И даже, узнав из последнего титра передачи, что романс Глинки на слова Баратынского «Разверение» прозвучал в исполнении Надежды Андреевны Обуховой плавненьки (точнее — вичатой племянницы) поэта, не слишком удивляемся этому.

«Душа моя... с душой его в сношении».

Н. ЭЙДЕЛЬМАН.

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ 2207 Читателя нашел в потомстве он

В передаче о Баратынском вначале возникают пейзажи подмосковного Муранова, связанного с именем поэта: старинный дом, тропинка, по которой прогуливается автор-исполнитель («зря!» — восклицаем в этом месте мы: связь времен здесь слишком иллюстративна). Но вот лишние аксессуары исчезают; на экране — лицо артиста:

Мой дар убог,
и голос мой не громок,
Но я живу, и на земли мое
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах; как знать?

Адошкин обрывает знаменитейшее стихотворение, чтобы прочесть его полностью в конце, как бы «окольцевав» программу:

...как знать? душа моя
Онается с душой его
в сношении,
и как нашел я друга
в поколении,
Читателя найду
в потомстве я.

Крупный план актера здесь неотразим. Сколько раз говорилось, писалось, что Баратынский угадал, нашел друзей, читателей «в потомстве». Но, пожалуй, как никогда, подтверждалось это здесь — глаза в глаза, «душа... с душой». Эффект присутствия поразителен, и при этом никакого старания

но обыграны и ненавязчиво усиливают то самое присутствие, о котором идет речь. «Выходные данные» даются не в начале цитаты и не в конце (как положено в науке, словесности), а посредине, как бы скороговоркой: «Мой милый праправнук! Часто, когда бумага вертится под пером... ты являешься передо мной с своим вопрошающим взором, с своею насмешливою улыбкою. (В. Ф. Одоевский. Записки моего праправнука о русской литературе, 1840 г.). Ты спрашиваешь меня: что такое была наша литература?»

Не цитата — а разговор, не сноска — а реплика. Тот же «беспорядок» и в хронологии: действие происходит сначала в 1855-м (после смерти поэта), затем — в 1831-м, 1826-м, 1816-м... В программе Адошкина нет хронологической последовательности — как не придерживаются ее в живом разговоре, в жизни. Этот талантливо организованный «хаос» регулируется одним человеком — трудность неимоверная: чуть-чуть не так, и сбукуются звучащие с телеэкрана слова героя:

Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

Посторонней суеты нет: автор наедине со зрителем. Лю-